

Татьяна Александровна ГАЛЛЯМОВА¹

УДК 82.091

ОБРАЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «СУХОДОЛ»

¹ аспирант кафедры русской литературы,
Институт филологии и журналистики,
Тюменский государственный университет
tatosi@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается образ «глухой Руси», представленный топонимом Суходол, анализируется семантика лексемы «глухой», изучаются новые противоречивые смыслы, которыми наделяется Суходол в повести Бунина. Исследуются основные мотивы, такие как «суходольская жизнь», «суходольская смерть», «суходольская душа», «суходольский язык», «суходольская любовь», обозначающие принадлежность к месту. Уделяется внимание поэтике ощущений (зрительное, звуковое, тактильное восприятия, обоняние и вкус), мотиву рода, а также рассматривается пространственная репрезентация «глухой Руси». Особое место занимает пространство воспоминаний, памяти, сна, которое противопоставлено реальности. Пространственный подход остается актуальным для современного литературоведения и наиболее применим при исследовании произведений Бунина, т. к. созвучен с его представлениями об освобождении от времени. В статье выделяются и изучаются две основные ипостаси «глухой Руси» — образ-герой и голос, анализируется их способность оказывать влияние на человека, поднимается вопрос о жанровой природе произведения.

Ключевые слова

Образ «глухой Руси», повесть И. А. Бунина «Суходол», образ-герой, «голос места», «суходольская жизнь», «суходольская душа», пространство памяти, мотив рода.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-87-96

Цитирование: Галлямова Т. А. Образ русской земли в повести И. А. Бунина «Суходол» / Т. А. Галлямова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 2. С. 87-96.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-87-96

Для И. А. Бунина приоритетным пространственным образом, который олицетворяет русскую землю, является «глухая Русь». В доэмигрантской прозе И. А. Бунина этот образ возникает в таких произведениях, как «Антоновские яблоки» (1900), «Новая дорога» (1901), «Золотое дно» (1903), «Деревня» (1909-1910), «Захар Воробьев» (1912), «Суходол» (1911), «Последняя весна» (1916).

Данная тема продолжает представлять интерес для литературоведения. Актуальность ее изучения определяется самобытностью «глухой Руси», представленной в произведениях Бунина, ее способностью оказывать влияние на человека. В поле зрения отечественных литературоведов находится «поэтика места» и способы ее художественной репрезентации. Исследователи выявляют ключевые мотивы, раскрывающие образ «глухой Руси» в произведениях писателя, изучают характер связи художника и места. Наиболее интересны работы М. А. Кочетковой [5], Л. В. Крутиковой [6], Н. В. Пращерук [8, 9], Е. К. Созиной [10]. Изучению «опыта земли» и «поэтики места» посвящены работы Е. Н. Эртнер [12, 13].

Целью нашей работы является рассмотрение особенностей образа русской земли, представленного в повести И. А. Бунина «Суходол» ипостасью «глухая Русь».

В 1911 г. И. А. Бунин пишет данную повесть. В центре повествования — хроника некогда знатной дворянской семьи Хрущевых, разорение «дворянского гнезда», конфликтная природа «глухой Руси». Кроме того, в повести раскрываются темы жизни и смерти, неразделенной любви, одиночества. Все основные события жизни персонажей имеют отношение к Суходолу. Повествование ведется сыном Аркадия Хрущева, для которого это становится заветным, тайным, поэтическим пространством.

В центре произведения — образ «глухой Руси», воссозданный в памяти автора. В данном случае пространство приобретает власть над душой человека, вызывает к себе, вводит в зависимость. Например, самой главной чертой Натальи является ее связь с местом: «В Наталье всегда поражала нас ее привязанность к Суходолу» [3, с. 143]; «И не одна она страдала привязанностью к Суходолу» [3, с. 145].

По Лихачеву, главная особенность русской земли — огромное пространство, которое владело сердцами русских: «Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством» [7, с. 462].

В толковом словаре русского языка В. И. Даля лексема «глухой» имеет следующие значения: «Лишенный способности слышать»; «непроходной, дикий, застойный»; «темный, неопределимый»; «заглохший от сорных трав, заглушенный, необработанный»; «неясный, мычащий, замирающий в отдалении»; «пустырь, захолустье, безлюдье»; «тихий»; «худой, плохой»; «первозданный, вековой» [4, с. 219].

В повести «Суходол» Бунин наделяет главный пространственный образ определенными смыслами. Т. к. «глухая Русь» способна завладеть душой человека, она приобретает значение «сильного, всемогущего, непреодолимого, не допускающего возражений места» [1, с. 58]. Одним из доминантных в повести является мотив возвращения. В самом начале личный повествователь говорит о Наталье: «Выходив, вырастив нас, снова воротилась она в Суходол» [3, с. 143]. В повести многократно повторяются мотивы, обозначающие принадлежность к месту: «суходольский дом» (сумрачный, ветхий, древний, родной); «суходольская жизнь» (загадочная и одновременно простая); «суходольская смерть», как правило, нелепая; «суходольская любовь» (необычная, неразделенная, сильная); «суходольская ненависть» (необычная, необъяснимая); «суходольский язык» (мелодичный, сохранивший фольклорные традиции); «суходольские песни» (задушевные, беззаботные); «суходольское событие» (страшное, потрясающее душу); «суходольцы» (люди горячих, противоречивых нравов, впадающие в крайности, странные, привязанные к месту); «суходольская кровь» (старая); «суходольская душа» (жалкая и очаровательная).

В данном исследовании мы основываемся на концепции Л. В. Чернец, которая рассматривает две ипостаси образа в художественном тексте: образ-персонаж и образ-голос [11, с. 254-255].

Для Бунина, выросшего в обедневшей дворянской усадьбе, «глухая Русь» является воплощением русской земли, которая принимает, кормит людей, даже совсем пропащих, таких как Юшка, погубивший жизнь Натальи, и испытывает эмоции: «Русь приняла его, бесстыжего грешника, с не меньшим радушием, чем спасающих души: кормила, поила, пускала ночевать, с восторгом слушала его» [3, с. 180].

Для Бунина очень важно «одушевление», персонификация места. Суходол — это конфликтный по своей природе образ, олицетворяющий «глухую Русь» и выступающий, в первую очередь, главным героем произведения. Он воздействует на чувства и эмоции человека, «порождает душу Натальи», владеет всей ее жизнью [3, с. 147], заставляет страдать, лишает тетю Тоню «и счастья, и разума, и облика человеческого» [3, с. 145], очаровывает своей стариной повествователя и его сестру, и даже у лишенного привязанностей отца, Аркадия Хрущева, вызывает «глубокую грусть» [3, с. 145].

Обитателям Суходола дается характеристика «чистый порох» [3, с. 145]. Подобно людям, сам Суходол тоже может наделяться эпитетом «горячий» и быть в ссоре с другим местом: «А во времена нашего детства случилась такая ссора между Суходолом и Луневым, что чуть не десять лет не переступала нога отца родного порога» [3, с. 146]. Суходол может ужасать своими событиями: «Первое событие, ужаснувшее нас, тоже было суходольское: убийство дедушки Герваськой» [3, с. 147], порождать страхи: «И все возростал в Суходоле древний страх огня» [3, с. 179].

Образ «глухой Руси» в произведении «Суходол» амбивалентен. С одной стороны, это место, которому присущ пафос «государственной значимости»,

с другой — «глушь» является местом «забытым», «убогим», «темным». Не случайно Суходол наделяется противоречивыми эпитетами «прекрасный и жалкий», «странный», т. е. неподдающийся объяснению, «темный» (забытый, таинственный, требующий узнавания, мрачный, даже страшный), «поэтический», потому что является недостижимой мечтой и узнается только через рассказы суходольцев и детские воспоминания.

Суходол — место, которое живет своей жизнью, несмотря на заброшенность, и отличается буйством растительности. «Глухость» места воспринимается на визуальном уровне: «Сгнивший, серо-голубой от времени балкон тонул в крапиве, бузине, бересклете» [3, с. 150]; «Высокие татарки, кусты белены и заросли крапивы, глушившей терн и вишенник!» [3, с. 150].

Зрительные образы «глухой Руси» соединяют понятия воли и простора, одновременно указывая на то, что места эти бедные, забытые и неезженные: «И смутно, но неизгладимо запомнили мы летний день, какие-то волнистые поля и заглохшую большую дорогу... Запомнили широкий поворот под изволок, громадный голый выгон, на которые глядели бедные курные избы, и желтизну каменистых оврагов за избами, белизну гольшей и щебня по их днищам...» [3, с. 147]. В то же время сочетание желтого и белого цветов является символом чистоты, беззаботности, радости, простоты, легкости, мирного существования. Именно эти цвета встречаются в пространстве памяти личного повествователя. Образ сада оживает в воспоминаниях, и из ветхого, жалкого, вырубленного превращается в цветущий, беззаботный, но все равно «дикий»: «Только сад был, конечно, чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берез, вишенники, тонувшие в крапиве, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть не целая роща серебристых тополей на окраинах, сливавшихся с хлебами» [3, с. 154]. В данном контексте эпитет «дремучие» синонимичен лексеме «богатые» и в то же время «заросшие, запущенные», даже враждебные. Перспектива сливающихся с хлебами окраин передает чувство бесконечного простора, так возникает мотив свободы.

Выбирая «глухую Русь» олицетворением русской земли, Бунин стремится сделать акцент на звуковом восприятии. На звуковом уровне противоречивый характер места проявляется в разнообразии звуков, голосов, которыми преодолевается «глухость». Звукопись природы передается в динамике: «Ветер, пробегающий по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей — и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками... Ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, — и в тишине слышался ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей...» [3, с. 150]. С помощью приема аллитерации передается шум и шелест ветра, образ которого приобретает антропоморфные черты. Лексемы «сонно», «тишина», «лепет» созвучны с семантикой слова «глухой, забытый». В то же время голос иволги звучит контрастно, резко, громко и радостно.

В ночное время появляется образ дикого филина, предвестника беды. Этот образ очень динамичен и тоже обладает своим «голосом», наделен памятью. Мотив уханья и плача перекликается с мотивом глухости: «А филин только и делал, что ухал и плакал, болезненно вскрикивал... Мухи сонно и недовольно гудели. Каждую ночь что-нибудь будило их. То корова чесалась боком о стену избы; то крыса пробежала по отрывисто звенящим клавишам фортепьяно и, сорвавшись, с треском падала в черепки; то черный кот с зелеными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лениво просился в избу. Филин, с шорохом, задев крыльями солому, срывался с крыши — и низко падал куда-то в темноту. Он почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмыв, садился на ее хребет. И в усадьбу опять доносился его плач. Он сидел, как будто что-то вспоминая, — и вдруг испускал вопль изумления; смолкал — и внезапно принимался истерически ухать, хохотать, взвизгивать...» [3, с. 151]. Многочисленными звуками пробуждается память ощущения. Это позволяет читателю услышать голос Суходола, понять многообразие его жизни.

Мотив грозы, как образ филина и образ огня, появляется в ночное время суток, становится предвестником беды и тоже является голосом «глухой Руси», который приобретает конфликтную семантику «страшного и великого» одновременно: «В темноте, с треском раскалывались громовые удары, — по ночам в доме было страшно» [3, с. 157].

Нельзя не согласиться с высказыванием исследователя Н. В. Пращерук о феноменологической природе образов огня в повести: «Образы огня, соотнесенные с системой ключевых мотивов повести, обнаруживают ярко выраженную феноменологическую природу. С одной стороны, это гроза и пожары, несущие суходольцам бедствия и разорение их дому. А с другой — огонь как нельзя лучше символизирует состояние души героев, их характер и поведение — стихийность чувств, импульсивность, «сосредоточенность на одном», безумие переживаемых ими страстей, в том числе «огненную», испепеляющую их привязанность к родной усадьбе, от которой фактически ничего не осталось, а «что и было, погибло в огне» [9, с. 73].

«Голосом Суходола» является Наталья, ее рассказы, ее «суходольская речь», которая неразрывно связана с фольклорными традициями. Примечательно то, что даже поговорки, выбранные Натальей, указывают на связь с местом: «Уж куда иголка, туда, видно, и нитка» [2, с. 145]; «Как волка не корми, а он все в лес смотрит» [3, с. 143].

Голос Суходола звучит в суходольских песнях, которые, подобно преданиям, осуществляли связь с родом, уходили корнями в древность и имели власть над человеческой душой. Исполнителями этих песен могли быть только суходольцы: «Да и мог ли кто-нибудь петь так, как отец, ученик дворовых, — с такой беззаботной печалью, с таким ласковым укором, с такой слабовольной задушевностью» [3, с. 146].

Голосом места может быть и человек, который «прикипел» к нему сердцем, воспринял его душой. В данном понимании голосом «глухой Руси» становится автор, который запечатлел Суходол в своей памяти и в слове.

Как справедливо отмечает Е. Н. Эртнер: «Место, Суходол, рассказывает самое себя. Имплицитный автор и есть его «голос», только в нем и слышит читатель «глушь», «глухую Русь» [12, с. 51].

В то же время, Бунин очень внимателен к запахам, потому что они мимолетны, едва уловимы, но всегда связаны с атмосферой места. Можно почувствовать запах, который принадлежит суходольцам, а, значит, «глухой Руси»: «И мы, выросшие в поле, чуткие к запахам, жадные до них не менее, чем до песен, преданий, навсегда запомнили тот особый, приятный, конопляный какой-то запах, что ощущали, целуясь с суходольцами» [3, с. 147]. Первая любовь Натальи тоже осталась в воспоминаниях, где острота чувства передается через запахи: «С замиранием сердца бежала она в холодный, росистый сад, забивалась в глушь крапивы и остро пахнущих, сырых лопухов и стояла, ждала несбыточного» [3, с. 162]. Обоняние может сочетаться с тактильным восприятием и наделяться положительной семантикой: «Оттуда доходил сухой, теплый запах дуба, мешавшийся с запахом зелени, с влажным мягким ветром...» [3, с. 149].

Иногда Бунин задействует сразу несколько восприятий (зрительное, слуховое, тактильное): «Мокрые, точно сразу похудевшие лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантас влажно шуршал...» [3, с. 148]. Повторяющийся глухой звук [ш] передает звуковое ощущение «глухости» места, его убогости, отдаленности и забытости. Необычная «синяя» окраска земли характерна для бунинской «глухой Руси». В романе «Жизнь Арсеньева» герой не просто ощущает землю на вкус, а приобщается к родной земле, учится чувствовать землю, «сливается» с ней: «Мало было в моей жизни мгновений, равных тому, когда я летел туда по облитым водой бурьянам и, выдернув редьку покрупней, жадно куснул ее хвост вместе с синей густой грязью, облепившей его» [2, с. 17].

Настоящую и счастливую жизнь Суходол обретает в пространстве памяти, которое неразрывно связано с мотивом сна, мечты: «Но ведь сны порой сильнее всякой яви» [3, с. 146]. Именно в этом пространстве Суходол становится мифопоэтическим местом: тетья Тоня сравнивается с фольклорным образом, Бабой-Ягой. Настоящая, светлая любовь тоже делает Суходол пространством мифопоэтическим и одновременно глухим, сокровенным, тихим, глубоким. Маленькое зеркальце Петра Петровича становится сказочным символом, аленьким цветочком для укравшей его Натальи.

Рассматривая мотив зеркала в произведениях Бунина, литературовед Е. К. Созина справедливо пишет: «Зеркало у Бунина, выступая в традиционной для него функции некоей переходности, пороговости, может тяготеть по реализуемому смыслу то к полюсу жизни, то к полюсу смерти» [10, с. 73]. Эпизод с зеркальцем в корне меняет жизнь Натальи. Воровство разоблачается самим Петром Петровичем, Наталью с позором ссылают в Сошки: «Она думала или, скорее, чувствовала одно: жизнь кончена, преступление и позор слишком велики, чтобы надеяться на возвращение к ней!» [3, с. 160].

Только в великой тишине и глуши у человека появляется возможность осознать силу и ценность истинных чувств, хоть и безответных: «Но в степь, в глушь увезла она любовь свою, чтобы там, в тишине и одиночестве, побороть первые, сладкие и жгучие муки ее, а потом надолго, навеки, до самой гробовой доски схоронить ее в глубине своей суходольской души» [3, с. 163].

В слове образ «глухой Руси» приобретает амбивалентную семантику родного, милого душе и вместе с тем таинственного, глубокого, темного и даже страшного места. С этим образом связан мотив рода, родового предания и «родового гнезда». В этом контексте Суходол наделяется эпитетом «древний». Об отце личный повествователь говорит: «Но душа-то и в нем была суходольская, — душа, над которой так безмерно велика власть воспоминаний, власть степи, косного ее быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и дом в Суходоле [3, с. 146]. Связь с родом и предками человек может ощущать благодаря месту. И далее: «Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вот еще преданиями, прошлым и сильна-то она» [3, с. 146]. Род — это то, что связывает человека с русской землей — с землей, на которой жили его предки.

Символом суходольского дома, который осуществляет связь с родом, а значит, и связь с земным и небесным, является заветный дедушкин образок святого Меркурия Смоленского, который не только пережил несколько пожаров, но и хранил на обратной стороне родословную Хрущевых.

Доминантным становится мотив запустения, заброшенного, холодного, пустого места: «Сумрачен был старый суходольский дом» [3, с. 144]; «Холодно, голодно было в пустом разрушающемся доме» [3, с. 186]; «И сидела тетя Тоня в странном слабом полусвете, доходившем из дома во внутренность ее ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшим фортепиано» [3, с. 186]; «От дедовского дубового дома, много раз горевшего, остался вот этот, невзрачный, от сада — кустарники да несколько старых берез и тополей, от служб и людских — изба, амбар, глиняный сарай да ледник, заросший полынью и подснежником» [3, с. 148]. В данном контексте «глухая Русь» проявляет себя как забытое и гиблое место и наделяется определенными, иногда противоречивыми смыслами: непреодолимое, владеющее душой место; место, способное влиять на эмоции и жизни людей; ветхое, древнее, родное место (таким оно становится в пространстве памяти); страшное, мрачное, ужасающее и одновременно загадочное; мифопоэтическое, сказочное пространство; необычное, нелепое, необъяснимое и одновременно простое (простым и понятным оно становится для тех, кто принял его душой, почувствовал на себе его влияние); забытое — заброшенное, заросшее от трав и одновременно дикое, оживленное, богатое растительностью; величественное и одновременно захудалое; поэтическое — жалкое и одновременно очаровательное место.

Образ «глухой Руси» в повести И. А. Бунина «Суходол» представлен в двух ипостасях. С одной стороны, Суходол — это герой произведения, субъект, ко-

торый наделен антропоморфными чертами. С другой стороны, это голос «глухой Руси», который приобретает звучание в пространстве памяти и становится вечным благодаря автору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. А. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. А. Абрамов. М.: Русское слово, 1999. С. 58.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 6. Жизнь Арсеньева: Юность / И. А. Бунин. М.: Художественная литература, 1967. 340 с.
3. Бунин И. А. Суходол / И. А. Бунин // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. Повести и рассказы, 1909-1911. М.: Художественная литература, 1965. С. 143-187.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание / В. И. Даль. М.: Эксмо, 2014. С. 219.
5. Кочеткова М. А. Художественное пространство В рассказах И. А. Бунина 1890-х — 1910-х гг. и в повестях «Деревня» и «Суходол»: автореф. дисс. канд. филолог. наук / М. А. Кочеткова. Ульяновск, 2005. 12 с.
6. Крутикова Л. В. «Суходол», повесть-поэма И. Бунина / Л. В. Крутикова // Русская литература. 1966. № 2. С. 44-59.
7. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Избранные работы в 3 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1987. С. 418-494.
8. Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства / Н. В. Пращерук. Екатеринбург: фонд Созидание, 1999. 254 с.
9. Пращерук Н. В. Образы огня в прозе Ивана Бунина (1910-1920-е гг.) / Н. В. Пращерук // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 71-84.
10. Созина Е. К. Мотив зеркала в прозе И. Бунина (рассказ «У истока дней») / Е. К. Созина // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: Тверской государственный университет, 1998. С. 59-73.
11. Чернец Л. В. Персонажей система / Л. В. Чернец // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 2000. С. 252-261.
12. Эртнер Е. Н. «Глухая Русь» как «исток художественного творения» в прозе И. А. Бунина / Е. Н. Эртнер // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе: сб. научных статей. Тюмень: Печатник, 2008. С. 44-52.
13. Ertner E. N. Le discours d'autorité de la terre russe dans la prose de la fin du XIX-e au début du XX-e siècle / E. N. Ertner // Discours d'autorité et discours de l'autorité. 34-e Colloque d'Albi "Langages et signification". Université Toulouse Jean Jorès, 2014. Pp. 191-198.

Tatyana A. GALLYAMOVA¹

THE IMAGE OF RUSSIAN EARTH IN THE TALE OF I. A. BUNIN “SUKHODOL”

¹ Post-Graduate Student,
Department of Russian Literature,
Institute of Philology and Journalism,
Tyumen State University
tatosi@list.ru

Abstract

The image of “deaf Rus” is investigated in the article and is represented as a topos “Sukhodol”, the semantics of the lexeme “deaf” is analyzed, new contradictory meanings that Sukhodol has in the tale of Bunin are explored, the basic concepts, such as “Sukhodol’s life”, “Sukhodol’s death”, “Sukhodol’s soul”, “Sukhodol’s language”, “Sukhodol’s love” denoting the belonging to the place are investigated, special attention is paid to the poetics of senses (visual, sound, tactile perception, smell, and taste), the motive of the genus and the spatial representation of “deaf Rus” are considered. The space of reminiscences, memory, and dream is opposed to the reality and occupies a special place. The spatial approach is still actual in modern literature and is the most applicable in the study of Bunin’s works as it correlates with his idea of liberation from time. Two fundamental hypostases of “deaf Rus” in the tale “Sukhodol” are identified and examined in the article — the image-hero and the voice, their ability to influence a person is analyzed, and the question on the genre of the tale is raised.

Keywords

The image of “deaf Rus”, Bunin’s tale “Sukhodol”, the image-hero, “the voice of the place”, “sukhodol’s life”, “sukhodol’s soul”, the space of memory, the motive of the genus.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-87-96

Citation: Gallyamova T. A. 2016. “The Image of Russian Earth in the Tale of I. A. Bunin ‘Sukhodol’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 2, pp. 87-96.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-87-96

REFERENCES

1. Abramov N. A. 1999. Slovar sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazheniy [Dictionary of Synonyms and Expressions Similar in Meaning], p. 58. Moscow: Russkoe slovo.
2. Bunin I. A. 1965. "Sukhodol." In: Sobranie sochineniy v 9 t. T. 3. Povesti i rasskazy, 1909-1911, pp. 143-187. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Bunin I. A. 1967. Sobranie sochineniy v 9 t. T. 6. Zhizn Arseneva: Yunost [Collected Works in 9 Volumes, vol. 6: the Life of Arseniev: Youth]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Chernets L. V. 2000. "Personazhey Sistema" [The System of Characters]. In: Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy. Edited by L. V. Chernec, pp. 252-261. Moscow: Vysshaya shkola; Akademiya.
5. Dal V. I. 2014. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: illyustrirovannoe izdanie [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Illustrated Edition], p. 219. Moscow: Eksmo.
6. Ertner E. N. 2008. "Glukhaya Rus' kak 'istok hudozhestvennogo tvoreniya' v proze I. A. Bunina" ["Deaf Rus" as the "Source of Artistic Creation" in the Prose of Ivan Bunin]. In: Regionalnyy literaturnyy landshaft v russkoy perspektive: sb. nauchnyh statey, pp. 44-52. Tyumen: Printer.
7. Ertner E. N. 2014. "Le discours d'autorit  de la terre russe dans la prose de la fin du XIX-e au d but du XX-e si cle ". In: Discours d'autorit  et discours de l'autorit . 34-e Colloque d'Albi "Langages et signification". Universit  Toulouse Jean Jor s, pp. 191-198.
8. Kochetkova M. A. 2005. "Hudozhestvennoe prostranstvo v rasskazah I. A. Bunina 1890-h — 1910-h gg. i v povestyah 'Derevnya' i 'Sukhodol'" [Art Space in I. A. Bunin's Stories of the 1890s-1910s and in the Tales "the Village" and "Sukhodol"]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Ulyanovsk State Pedagogical University.
9. Krutikova L. V. 1966. "'Sukhodol', povest-poema I. Bunina" ["Sukhodol", a Tale-poem of I. Bunin]. Russkaya literatura, no 2, pp. 44-59.
10. Likhachov D. S. 1987. "Zametki o russkom" [Notes on Russian]. Izbrannye raboty v 3 t., vol. 2, pp. 418-494. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
11. Prashcheruk N. V. 2015. "Obrazy ognya v proze Ivana Bunina (1910-1920 gg.)" [The Images of Fire in the Prose of Ivan Bunin (1910-1920-s)]. Quaestio Rossica, no 2, pp. 71-84.
12. Prashcheruk N. V. 1999. Khudozhestvennyy mir prozy I. A. Bunina: yazyk prostranstva [The Artistic World of Ivan Bunin's Prose: the Language of Space]. Ekaterinburg: Sozidanie.
13. Sozina Ye. K. 1998. "Motiv zerkala v proze I. Bunina (rasskaz 'U istoka dnei')" [Mirror Motif in the Prose of I. Bunin (the Story "At the Source of Days")]. In: Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya, pp. 59-73. Tver: Tver State University.